

Мартовские мертвецы / поэма

Category: Kitapcy, Poesmalar

написано kitapcy | 24 января, 2025

Мартовские мертвецы / поэма МАРТОВСКИЕ МЕРТВЕЦЫ

1. Веришь ли, знаешь ли?

Пусть церковь тоже человек
И вросший в землю микрокосм.
А нас ведь освятил Христос.
Так вознесись главой своей
Превыше каменных церквей.

Раньше я все мысли говорила,
Раньше я была как люди тоже,
На свечу ночную на могиле
Под дождем весенним я похожа.

Оглянулась, оборотилась.
Есть у церкви живот, есть и ноги,
По живот она в землю врылась,
А земля – грехи наши многи.

Есть и сердце у нее,
Через кое протекали
Поколенья на коленях,
Что кровинки – тень за тенью,
Гулкий шепот покаянья.

Из тела церкви выйдя вон,
В своем я уместилась теле,
Алмазные глаза икон
По-волчьи в ночь мою смотрели.

Темное, тайное внятно всем ли?
О сколько раз, возвращаясь вспять,
Пяту хотела, бросаясь в землю
Церкви в трещинах целовать.

И, крестясь со страхом и любовью,
В ее грудь отверстую скользя,
Разве мне ее глухою кровью
Стать, как этим нищенкам, нельзя?

2. Черная бабочка

Звезды вживлены в крылья,
В бархат несминаемый вечный,
С лицом огромным меж нежных крыл,
Мужским и нечеловечьим.
Из винтовок она вылетает,
Впереди пули летит,
Кто видал ее – не расскажет,
Как она свое стадо клеймит.
Называли, именовали –
Ангел смерти трудолюбив,
Океаны что мысль пролетала,
Каждый колос ревниво срезала
Из бескрайних все новых нив.
Закружилась она, зашептала,
Легким взмахом сознание темня:
Как же ты воротиться мечтала,
Если ты видала меня?

3.

Где соловей натер алмазом дробным
Из холщевины небеса,
Там умирала, как на месте диком, лобном
Оранжевая полоса.
Звезда расколотым орехом
К деревьям низко подплыла,
И будто ночи этой эхо
Духа полночь моего была.
Там луны пестрые сияли,
И звезды смутно голосили,

И призраки живыми стали —
Входили, ели, выходили
И жадно и устало жили.
Там звери чье-то тело тащат
В нагроможденье скал,
И с глазом мертвым, но горящим
В колодце темном и кипящем
Бог погребен стоял.

4. Весной мертвые рядом

В мертвых холодном песке
Стану и я песчинкой,
На голубом виске
Разведу лепестки и тычинки.
Куна пролетает, горя,
Только не эта, другая.
Мертвых холодных моря
Без берегов и края.

Подросток — только он один — он
одинокость с Богом делит,
Но уж зовет поводыря его душа,
привстав над телом.
Никогда ты не будешь уже одиноким —
это верно тебе говорю —
Духи липнут к душе — всюду кто-нибудь
будет — в аду ли, в раю.

Душ замученных промчался темный ветер,
Черный лед блокады пронесли,
В нем, как мухи в янтаре, лежали дети,
Мед давали им — не ели, не могли.
Их к столу накрытому позвали,
Со стола у Господа у Бога
Ничего они не брали
И смотрели хоть без глаз, но строго.
И ребром холодным отбивали

По своим по животам поход-тревогу.
И тогда багровый лед швырнули вниз

И разбили о Дворцовую колонну,
И тогда они построились в колонны
И серебристым прахом унеслись...

Может, я безумна? — о йес!
Ах, покойников шумит бор сырой и лес
Ах, чего же вы шумите, что вы стонете?
Не ходила на кладбище по ночам,
Так чего ж вы стали видимы и гоните?
И не тратьтесь на меня по пустякам

И ты, поэт, нездешний друг!
Но и тебя мне видеть жутко,
Пророс ты черной незабудкой,
Смерть капает из глаз и рук.
Он смерть несет как будто кружку
Воды колодезной холодной,
Другой грызет ее, как сушку,
И остается все голодный.

Моя душа меня настигла — ой!
Где ты была — неважно. Бог с тобой.
Любовь из пальцев рвется ко всему —
К уроду, к воробью — жилищу Твоему.

А вот и кровь бредет — из крови волоса —
Розовые заката глаза.
«Я человек, — она плачет, — я жажду!»
O Маринетти — tu l`a voulu,*
Ну так и стражди.

И все-таки могучий Дионис,
Обняв за икры Великий Пост,
Под лед летает к рыбам вниз
И ниже — ниже — выше звезд.
И в их смешенье и замесе,

В их черно-белой долгой мессе
Ползу и я в снегах с любовью,
Ем серый снег вразмешку с кровью.
И в эти дни, в Великий Пост,
Дождь черный сыплется от звезд,
Кружком обсели мертвецы,
Повсюду волочу их хвост.
И Юнг со скальпелем своим
Надрежет, не колеблясь, душу
И имя тайное мое
Горячим вдышит ветром в уши.
Косматый мрак с чужим лицом
Моим прикинулся отцом,
Свою непрожитую силу
Из жирной киевской земли,
Из провалившейся могилы
Вливает в вену мне – возьми!
Нет, не про вас души алтарь!
Что надо вам, умершим всем?
И так я, как безумный царь,
И снег, и глину, звезды ем
Пью кровь из правого соска
Такую горькую – напрасно
За плечи тащите меня
В ад, как в участок вы – так страстно.
Всю вашу цепь столкну в овраг –
Душой, не телом, в теле – тесно,
Когда Страстной я слышу шаг,
Гром тишины ее небесной.
Вы, звери, крыльями шумя,
Хотите поглотить меня,
Вы, птицы, сладкий тленный мозг
Из кости алчете, из сердцевины.
Аркольский я – пусть слабый – мост,
Толкнете – полетит в пучину
Космический Наполеон,
И мир, и свет, и блеск времен.

Стоит, меняя маски, лица
И пятки мне вдавив в глазницы.
Меча вы слышите ли звон?
Всю вашу цепь столкну в овраг —
Душой, не телом, в теле — тесно,
Когда Страстной я слышу шаг,
Гром тишины ее небесной.

5.

Смерть — это веселая
Прогулка налегке,
С тросточкой в руке.
Это — купанье
Младенца в молоке.
Это тебя варят,
Щекотно кипятят,
В новое платье
Одеть хотят.
Смерть — море ты рассвета голубое,
И так в тебя легко вмирать —
Как было прежде под водою
Висеть, нырять,
Разглядывая призрачные руки
И тени ног, —
Так я смотрю сквозь зелень, мглу разлуки
В мир — как в песок.
Ты умер — расцветает снова
Фиалковый цветок.
Ты, смерть, пчела, — и ты сгустить готова
В мед алый сок.
Не бойся синей качки этой вечной,
Не говори — не тронь меня, не тронь,
Когда тебя Господь, как старый жемчуг
Из левой катит в правую ладонь.

1980.

*Ты этого хотел (фр.) Poemalar